

**Н. М. Карамзин**

**Письма Русского  
путешественника**

**Том 1**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
К21

К21 **Карамзин Н.М.**  
Письма Русского путешественника: Том 1 / Н. М. Карамзин – М.: Книга  
по Требованию, 2015. – 372 с.

**ISBN 978-5-517-99883-5**

**ISBN 978-5-517-99883-5**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



## ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

---

Современное направленіе русской литературы называютъ иногда историческимъ; утверждаютъ, что въ нашемъ обществѣ развился большой интересъ къ запискамъ и воспоминаніямъ о прошломъ, къ стариннымъ письмамъ и дневникамъ. Наблюденіе это, конечно, не лишено справедливости; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно сказать, что обращеніе наше къ прошлому было бы гораздо дѣльнѣе, добросовѣстнѣе и даже плодотворнѣе для настоящаго, если бы въ матеріалахъ о нашей недавней старинѣ мы меньше искали «пикантныхъ» разоблаченій и изучали бы ее болѣе спокойно, *sine ira et studio*. Бросаться на одно запретное, придавать цѣну и вѣрить только тому, что не могло быть оглашено въ свое время, — черта ребяческая, свидѣтельствующая только о мелкомъ любопытствѣ, а не о серьезной любознательности. Было бы истинно при-  
скорбно, если бы современное русское общество, такъ глубоко обновленное умственнымъ движеніемъ послѣдняго тридцатилѣтія, не сумѣло, на-

конецъ, обратить спокойный взоръ на свое прошлое, гдѣ не все же было только мрачно и черно, не все достойно только обличеній «музы мести и печали».

Настоящимъ изданіемъ «Писемъ Русскаго Путешественника» мы желали послужить этой цѣли — возобновить въ памяти современныхъ читателей самое замѣчательное изъ произведеній русской литературы въ концѣ прошлаго вѣка, произведеніе, которое въ теченіе болѣе чѣмъ пятидесяти лѣтъ считалось одною изъ самыхъ увлекательныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, и которое лишь въ послѣднюю четверть вѣка стало приходить въ забвеніе. Правда, въ произведеніи этомъ вы не найдете ни откровеній о тайныхъ пружинахъ, двигавшихъ событіями конца XVIII вѣка, ни картины тѣхъ невгодъ и бѣдствій, которыя переживали тогдашніе люди, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и внѣ его; но зато вы увидите здѣсь идеалы образованнѣйшихъ русскихъ людей стараго времени, и все-таки идеалы, сопоставленные лицомъ къ лицу съ фактами дѣйствительной жизни — положимъ, не русской, но во всякомъ случаѣ такой, которая своимъ разнообразіемъ, своими свѣтлыми и темными сторонами представляетъ богатый матеріалъ для критики этихъ идеаловъ. Если взять притомъ въ расчетъ, что съ 1792 года по 1848 «Письма Русскаго Путешественника» выдержали семь изданій, что на нихъ воспитался цѣлый рядъ поколѣній русскихъ людей, находившихъ въ нихъ и просвѣщеніе, и усладу, — то станетъ ясно, что для пра-

вильной оцѣнки нашего недавняго прошлаго нельзя не обратить вниманія на столь крупное явленіе нашей умственной жизни, а напротивъ, слѣдуетъ ознакомиться съ нимъ обстоятельно, во всей его полнотѣ. Изящная форма этого произведенія и умѣренный его объемъ, при внутреннемъ интересѣ содержанія, облегчаютъ это знакомство.

Въ настоящемъ предисловіи мы, впрочемъ, не имѣемъ надобности говорить о значеніи «Писемъ Русскаго Путешественника» въ исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія. Этому важному вопросу посвящена прекрасная статья академика *Ө. И. Буслаева*, которую мы, съ любезнаго разрѣшенія автора, помѣщаемъ предъ самыми письмами <sup>1)</sup>. Ограничиваемся поэтому лишь внѣшней исторіей «Писемъ».

Карамзинъ писалъ свои письма, имѣя въ виду друзей своей молодости — Алексѣя Александровича Плещеева и его жену Настасію Ивановну. Впервые письма были напечатаны въ періодическомъ изданіи Карамзина *Московскій Журналъ*, выходившемъ въ 1791 и 1792 годахъ <sup>2)</sup>; затѣмъ съ 1799 г.

<sup>1)</sup> Статья эта есть собственно рѣчь, произнесенная г. Буслаевымъ при празднованіи столѣтняго юбилея Карамзина въ Московскомъ университетѣ, 1 декабря 1867 года. Она была тогда же напечатана въ малораспространенномъ изданіи *Московскія Университетскія Извѣстія*. Нынѣ рѣчь г. Буслаева печатается съ нѣкоторыми его исправленіями.

<sup>2)</sup> Здѣсь «Письма Русскаго Путешественника» были напечатаны до письма изъ Парижа отъ 27-го марта 1790 г. включительно.

по 1801 выпущено было отдѣльное ихъ изданіе въ шести частяхъ въ 16-ю долю листа, а послѣ того они перепечатывались въ собраніяхъ сочиненій Карамзина, выходившихъ въ 1803, 1804, 1814, 1820, 1834 и 1848 годахъ. Такимъ образомъ настоящее изданіе писемъ есть восьмое. При перепечаткѣ писемъ въ первое отдѣльное (полное) изданіе Карамзинъ сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя перемѣны, но, какъ самъ говоритъ въ предисловіи, незначительныя. Слѣдующія изданія выходили безъ новыхъ перемѣнъ.

«Письма Русскаго Путешественника» были переведены на нѣмецкій, англійскій и голландскій языки вполнѣ, а на польскій и французскій въ отрывкахъ. Наболѣе интересны изъ этихъ переводовъ два: нѣмецкій, сдѣланный I. Рихтеромъ и вышедшій одновременно съ первымъ полнымъ русскимъ изданіемъ, и французскій, принадлежащій В. С. Порошину и изданный по случаю столѣтняго юбилея Карамзина.

Переводъ Порошина появился подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse (1789—1790), traduites du russe, accompagnées de notes et d'une notice sur l'auteur (Paris, 1867)*». Въ прекрасномъ введеніи, которымъ Порошинъ снабдилъ свой переводъ, есть не мало замѣтокъ, любопытныхъ не только для французскихъ читателей, но и для русскихъ. Порошинъ очень ясно изложилъ тутъ значеніе совершеннаго Карамзинымъ преобразованія русской литературной рѣчи и весьма тонко замѣтилъ, что ре-

форма Карамзина, давъ языку свободу, легкость и изящество, то есть, обновивъ одинъ изъ главныхъ незыблемыхъ элементовъ народности, дала вообще толчекъ возбужденію нашего національнаго самосознанія, подавленнаго поспѣшнымъ и безпощаднымъ переворотомъ, который Петръ Великій совершилъ чисто революціоннымъ способомъ. Въ этомъ смыслѣ реформа Карамзина была реакціей противъ крайностей петровскаго переворота. Но въ то же время Карамзинъ, познакомивъ русское общество съ умственной жизнью западной Европы въ своихъ «Письмахъ», тѣмъ самымъ — по мнѣнію Порошина — довершилъ бессмертное дѣло Петра Великаго.

Въ замѣткахъ Порошина мы видимъ сужденіе о Карамзинѣ и объ его «Письмахъ» образованнаго представителя позднѣйшаго поколѣнія, которое уже училось по сочиненіямъ Русскаго Путешественника и пользовалось плодами его литературной реформы. Иное представляетъ намъ нѣмецкій переводъ «Писемъ Русскаго Путешественника» Онъ изданъ подъ такимъ заглавіемъ: «Briefe eines reisenden Russen. Von Karamsin. Aus dem Russischen von Johann Richter (Leipzig, 1799—1802)» Переводчикъ былъ пріятель автора «Писемъ» и дѣлалъ свой переводъ на его глазахъ въ Москвѣ; кромѣ того, Карамзинъ, какъ сказано въ предисловіи Рихтера, самъ просматривалъ этотъ переводъ. Даже по внѣшнему виду изданія Рихтеръ желалъ уподобить свой трудъ подлиннику: его переводъ изданъ въ томъ же форматѣ и въ томъ же числѣ то-

мовъ, какъ и первое отдѣльное изданіе «Писемъ» по-русски. Сужденіе свое о «Письмахъ» Рихтеръ высказываетъ въ предисловіи слѣдующими словами: «Они отличаются въ особенности нѣжностью чувствованія и наивностью изображенія, которыя всегда служатъ признаками прекрасной души» Оцѣнка вполне вѣрная, хотя и не исчерпываетъ вполне значенія «Писемъ Русскаго Путешественника» для русской литературы. Особенность нѣмецкаго перевода составляетъ то, что къ нему приложено нѣсколько гравюръ на мѣди, во вкусѣ Ходовецкаго, гравюръ, изображающихъ не виды какихъ либо замѣчательныхъ мѣстъ, посѣщенныхъ путешественникомъ, а нѣкоторыя сцены, описанныя въ его путешествіи, то есть, жанровыя картинки чувствительнаго или добродушно-комическаго характера, или же портреты самого «любезнаго» автора и его пріятеля и почитателя переводчика. Такой выборъ предметовъ для изображенія указываетъ на то, что, могло въ особенности интересовать тогдашняго читателя. А такъ какъ переводъ Рихтера изданъ не безъ содѣйствія Карамзина, то можно предположить его участіе и въ выборѣ сюжетовъ для иллюстрацій. Въ виду такихъ соображеній, мы сочли умѣстнымъ приложить къ нашему изданію «Писемъ Русскаго Путешественника» точные снимки съ гравюръ, сопровождающихъ переводъ Рихтера, за исключеніемъ, впрочемъ, одной — портрета переводчика. Изъ числа гравюръ, изображающихъ сцены, первая относится къ письму изъ Тильзита, отъ 17-го іюня 1789 г.,

вторая—къ письму, писанному за двѣ мили до Дрездена 10-го іюля, третья — къ письму изъ Франкфурта-на-Майнѣ отъ 30-го іюля, четвертая — къ письму изъ Брука въ августѣ, пятая—къ письму изъ долины Гасли въ сентябрѣ, шестая—къ письму отъ 1-го ноября изъ Женевы, седьмая—къ письму отъ января 1790 года оттута же, и восьмая—къ письму отъ марта того же года изъ Ліона.

Въ заключеніе замѣтимъ, что когда первая книжка нѣмецкаго перевода «Писемъ Русскаго Путешественника» прибыли въ Рижскую таможду и затѣмъ поступили на разсмотрѣніе мѣстнаго цензора, то послѣдній задержалъ выпускъ этого сочиненія.



## ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Рѣчь академика *Θ. И. Булаева*, произнесенная при празднованіи столѣтняго юбилея Карамзина въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ 1-го декабря 1866 года.

---

Мм. Гг.

Первый столѣтній юбилей нашего великаго прозаика имѣеть свое особенное значеніе. Торжество это не можетъ быть только воспоминаніемъ о важномъ литературномъ дѣлѣ, положенномъ въ основу русской народности; потому что дѣло это—не отшедшая старина, вообще дорогая для національнаго чувства, но одинъ изъ насущныхъ элементовъ современнаго русскаго просвѣщенія, который не пересталъ еще оказывать свою живительную силу въ каждомъ изъ насъ, здѣсь собравшихся. Поколѣнія старшія еще чувствуютъ на себѣ всю обаятельную свѣжесть непосредственнаго дѣйствія этой гармоніи мыслей и звуковъ, которою Карамзинъ на ихъ памяти плѣнялъ своихъ соотечественниковъ: поколѣнія младшія учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его

сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика: такъ что — если бы я думалъ изложить передъ вами заслуги Карамзина въ этомъ отношеніи, то мнѣ пришлось бы сдѣлать перечень параграфовъ учебника, съ указаніемъ, на сколько каждый изъ нихъ подчиненъ вліянію Карамзина.

Но я нахожу неумѣстнымъ подробностями критическихъ изслѣдованій о языкѣ и слогѣ удалить отъ вашего вниманія живой образъ того, память о которомъ мы празднуемъ. Лучше всего удовлетворило бы общему желанію жизнеописаніе Карамзина съ подробными выдержками изъ его сочиненій; но этотъ предметъ неумѣстимъ въ предѣлахъ моего настоящаго чтенія. Ограничиваясь немногимъ, я избираю изъ жизни Карамзина только полтора года, — знаменательное время перехода отъ молодости къ зрѣлому возрасту, когда опредѣлилась нравственная и литературная фізіономія писателя, именно 1789—1790 годы, описанные имъ самимъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника.

Опасаясь умалить заслуги автора, нынѣ чествуемаго, я не рѣшаюсь назвать эти Письма лучшимъ изъ его собственно литературныхъ произведеній; однако, кажется, не обинуясь могу утверждать, что послѣ Исторіи Государства Россійскаго, они болѣе прочихъ его сочиненій оказали своедѣйствіе на образованіе русской публики, оказываютъ и теперь, составляя одно изъ лучшихъ украшеній всякой хорошей хрестоматіи русской словесности

Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, которыя были тѣмъ наставительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго направленія стало уступать новымъ идеямъ, продолжившимъ свое развитіе и въ первой половинѣ текущаго столѣтія; такъ что — «Письма Русскаго Путешественника» даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія, частью имѣютъ они его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка.

Необычайная цивилизующая сила этихъ писемъ, кромѣ высокаго дарованія и обширныхъ свѣдѣній автора, много зависѣла отъ самой формы этого рода сочиненій. Въмѣсто систематическихъ трактатовъ объ исторіи и статистикѣ западныхъ народовъ, о ихъ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, передъ читателями постоянно является симпатическая личность русскаго человѣка, высоко образованнаго, насколько это было возможно въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ высшей степени впечатлительнаго и даровитаго, который съ каждымъ шагомъ на своемъ пути созрѣваетъ, неутомимо учится и изъ книгъ и изъ бесѣдъ съ знаменитостями того времени, и по мѣрѣ успѣховъ — передаетъ плоды своего развитія своимъ немногимъ друзьямъ, кругъ которыхъ долженъ былъ расши-